

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024020026

Державин и его «Истукан»

© 2024 г. Иоахим Клейн

Доктор филологических наук,
почетный профессор Лейденского университета, Нидерланды,
Leiden University PO Box 9500 2300 RA Leiden, The Netherlands
j.h.klein6@icloud.com

Резюме. Статья посвящена автобиографической поэзии Державина и, в частности, его стихотворению «Мой истукан». Мраморный бюст, который Державин заказал для себя, является для его лирического субъекта источником надежды и сомнения в самом в себе. Заслуживает ли он в самом деле такую честь, а если заслужил, по каким причинам? Лирический монолог соответственным образом представляет собой ряд резко противоположных настроений (заявления об уверенности в себе чередуются с самокритикой) и является уникальным в русской поэзии XVIII века. Драматизм этого монолога к концу стихотворения снижается, происходит успокоение в духе горацианской мудрости. Стихотворение заслуживает внимание из-за его автоироничного и автокритического характера. Статья завершается экскурсом о претензии Державина на вечную славу.

Благодарность. Автор благодарит Ирину Паперно за помощь в переводе статьи с немецкого на русский язык.

Ключевые слова: автобиографическая поэзия, стихотворение Державина «Мой истукан», самоирония, Гораций, вечная слава.

Для цитирования: Клейн И. Державин и его «Истукан» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 2. С. 22–30. DOI: 10.31857/S1605788024020026

Derzhavin and his “Marble Bust”

© 2024 Joachim Klein

Doct. Sci. (Philol.),
Professor Emeritus at The University of Leiden, The Netherlands,
Leiden University PO Box 9500 2300 RA Leiden, The Netherlands
j.h.klein6@icloud.com

Abstract. This paper deals with Derzhavin’s autobiographical poetry as exemplified by his poem “My Bust”. A marble bust which Derzhavin had ordered for himself is a source of hope and self-doubt for his lyrical speaker. Does he actually deserve the honour represented by this sculpture and, if the answer is yes, on which grounds? Accordingly, the lyrical monologue turns into a sequence of sharply contrasting moods of confidence and self-deprecation, which is unique in eighteenth-century Russian poetry. The dramatism of this monologue calms down at the end of the poem in a spirit of Horatian wisdom. The poem is remarkable for its self-critical and self-ironic character. The article closes with a reflection on Derzhavin and his claim of eternal fame.

Acknowledgements. The author thanks Irina Paperno for her help in translating this article.

Key words: autobiographical poetry, Derzhavin’s poem “My Bust”, conflicted monologue, self-irony, Horace, eternal fame.

For citation: Klein, Joachim. *Derzhavin i yego “Istukan”* [Derzhavin and his “Marble Bust”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 2, pp. 22–30. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024020026

В поэзии Державина лирический субъект часто не задан жанром, как в одах Ломоносова или в элегиях Сумарокова. Ведь он сам любил выступать в роли лирического субъекта, часто используя темы и мотивы из собственной жизни, благодаря чему его стихотворения приобретали автобиографический характер (см., например: [1, с. XXXIII]; [2, с. 15]). Державин представлял собой при этом не только носителя определенных чувств или мыслей, а также, например, хозяина частного дома, которому не нравится поведение одного соседа [3, т. 1, с. 65–69], или человека, предпринимающего с женой прогулку по озеру царскосельского парка [3, т. 1, с. 301–302]. В стихотворении «Евгению. Жизнь званская» Державин фигурирует как известный всем поэт, который отправляется в свой кабинет, чтобы там заниматься поэзией вместе с Горацием и Пиндаром, а в конце упоминает свои оды «Фелица» и «Бог» [3, т. 2, с. 404–410].

Вместо нормативной ориентации на жанр мы встречаем здесь более свободную ориентацию на собственную жизнь. В результате Державин, или, точнее говоря, тот образ себя, который он создал, является одним из центров его лирического творчества (другой центр — это монарх, адресат его панегирической поэзии). Русский читатель мог теперь узнать, какой поэтический потенциал скрывается в жизни отдельного, частного человека.

Об этом говорят и многочисленные «Объяснения» и «Примечания», которыми Державин комментировал свои стихотворения на старости лет. Это, как и его «Записки», автобиографические тексты. «Записки» относятся к его жизни как государственного деятеля; из «Объяснений» и «Примечаний» узнаем о его жизни как поэта. Державин говорит в них о биографическом фоне своей поэзии, истолковывает тематические подробности и расшифровывает намеки. Державин понял к концу жизни пользу таких комментариев для понимания своих стихотворений, но он также хотел, чтобы они воспринимались как часть его жизни.

В этих автокомментариях поэт часто говорит и о том, каким образом возникали его стихотворения. Мы узнаем, например, о том, что он своим стихотворением «Свобода» 1803 г. отреагировал на увольнение с поста министра юстиции (см.: [3, т. 2, с. 287–288]; «объяснение»: [3, т. 3, с. 603]). Так обстоит дело и со стихотворением «Горелки» 1803 г. об игре, в которой Державин участвовал вместе с двумя внуками Екатерины II в царскосельском парке (см.: [3, т. 1, с. 385–386]; «объяснение»: [3, т. 3, с. 535]).

Он как поэт превратил эту игру в дидактическую аллерию о пользе благородного соревнования.

Последний пример показывает нам, как следует понимать стихотворения Державина, которые возникли тем или другим образом: это не «отражения» каких-то личных событий. Эти стихотворения являются, напротив, свободными произведениями искусства, созданными поэтом в определенной ситуации своей жизни. Это «оккациональные» стихотворения, которые сочинялись не по официальному поводу, как его панегирические оды, а по личным жизненным переживаниям и ситуациям. Вместе с Гёте можно сказать: такие стихотворения Державина «не взяты из воздуха» — “sind nicht aus der Luft gegriffen”, а имеют под собой свою солидную почву в действительности его же жизни¹. Своими «Объяснениями» и «Примечаниями» Державин стремился внушить своим читателям мысль о «реальном», т.е. автобиографическом характере своей поэзии.

Однако Державин говорит в этих комментариях не только о возникновении своих стихотворений. Мы также узнаем, для кого он их сочинял. Дело в том, что они были назначены иногда не только для его читателей, а для самого себя (что, правда, не мешало ему публиковать их). Это бывало, когда Державин пытался от неприятных событий своей жизни дистанцироваться сочинением стихотворений. Возьмем, например, его стихотворение «Помощь Божия» (1793), парафразу 120 псалма [3, т. 1, с. 387–388]. На первый взгляд, это только более или менее удачный перевод библейского текста. Однако мы читаем в одном из «Примечаний» Державина, что он написал это стихотворение «себе в утешение», когда ожидал в Москве исхода процесса, который был затеян против него (см.: [6, с. 112]; в «Объяснениях» он напоминает другой, однако такой же неприятный повод [3, т. 3, с. 479]). Как мы увидим в дальнейшем, аналогично дело обстояло и со стихотворением «Мой истукан» (1794) [3, т. 1, с. 421–428] (далее его текст цитируется по этому изданию).

Три бюста

Предыстория стихотворения «Мой истукан» несколько сложнее. В последних десятилетиях

¹ См. разговор Гёте с Эккерманом 18 сентября 1823 г.: «Мир — так велик и жизнь так разнообразна, что никогда не будет нехватки поводов для стихотворений. Однако нужно, чтобы это были оккациональные стихотворения, т.е. действительность должна давать им повод и содержание». Выше читаем: «Настоящее время имеет свои права; те мысли и чувства, которые она каждый день навязывает поэту, должны быть высказаны» [4, без пагинации]. О попытке Гёте реабилитировать старомодную оккациональную поэзию см.: [5].

XVIII в. стало модным среди придворных вельмож увековечить себя портретным бюстом [7, с. 246–250]. Державин, который сам уже принадлежал к этой элите, не хотел отстать от других. Думая при этом, правда, не только о себе, но также и о супруге, он заказал два бюста у французского скульптора Рашета из Императорской академии искусств [8, с. 90]. Однако этот второй бюст (изображение супруги) упоминается только в конце стихотворения. Остальной текст посвящен бюсту Державина: «Готов кумир, желанный мною! / Рашет его изобразил: / Он хитрою своей рукою / Меня и в камне оживил» (строфа 1).

Однако к предыстории этого стихотворения принадлежит еще один бюст — бюст Ломоносова, созданный через много лет после его смерти русским скульптором Ф.И. Шубиным. Екатерина II заказала этот бюст для своей коллекции скульптур в Камероновой галерее у Царскосельского дворца [9, с. 35]. Это было в 1793 г., то есть около года до того, как Державин получил свой бюст. Среди античных императоров, полководцев, поэтов и философов в Камероновой галерее Ломоносов был одним из трех представителей нового времени и единственным русским [9, с. 10–37].

Бюст Ломоносова не упоминается в нашем стихотворении, зато фигурирует Камеронова галерея, как мы еще увидим. Но в одном «Объяснении» речь идет и о бюсте Ломоносова. Державин говорит здесь о себе в третьем лице (как позднее и в своих автобиографических «Записках»): «В Царском Селе была колоннада, уставленная полукумирами, или бюстами славных людей, между коими был и Ломоносов; то и автор со временем думал иметь на то право» [3, т. 3, с. 530]².

Оказывается, кроме получения своего бюста у Державина был еще один повод для сочинения стихотворения «Мой истукан». Это было чувство обиды, которое возникло у него от того, что Екатерина II дала место в Камероновой галерее только Ломоносову, а не ему. Державин мог объяснить себе это тем, что его отношения с императрицей ухудшились в это время (см. его «Записки» [3, т. 6, с. 622–625] и [10, с. 410–412]). Но, как бы то ни было, он при этом не учитывал, что Ломоносов получил свое место в Камероновой галерее только после смерти, а посвящение Державину бюста при жизни вызвало бы протесты других вельмож.

Был еще один момент, который Державин не принял в расчет. Несмотря на две оды, которые Ломоносов посвятил императрице в 1762 и 1763 гг., он был, как кажется, для нее в первую очередь не поэтом, а ученым. Это видно по обстоятельствам ее визита к нему 7 июня 1764 г.: при этом визите речь шла не о поэзии Ломоносова, а о его мозаиках, о физике и химии, хотя в конце этого визита он вручил императрице одно хвалебное стихотворение [11, с. 406]. Что же касается самой Екатерины II, она считала себя, как известно, писательницей, но стихов не сочиняла, интересуясь ими только, когда они были написаны в ее честь (как правильно отмечает В.Ф. Ходасевич [12, с. 105]). Поэтому ей просто не пришлось в голову включить бюст Державина-поэта в свою галерею. Не настало еще то время, когда воздвигались памятники русским поэтам.

Как мы еще увидим, второй повод для возникновения нашего стихотворения, т.е. чувство обиды, повлиял на его содержание, но не напрямую. Дело в том, что Державин преодолел эту обиду, создавая свое стихотворение совсем в другом духе. Главной его темой является не конкуренция с Ломоносовым, уж не говоря о зависти, а нравственный самоанализ.

Неуверенность в себе

Стихотворение «Мой истукан» состоит из 24 одических строф. В первой строфе лирический субъект радуется завершению своего бюста. Однако он сразу задает себе вопрос, какими достижениями он заслужил этот бюст и имеет ли он право на ту бессмертную славу, которую бюст символизирует:

Готов кумир! — и будет чтиться
Искусство Праксителя в нем.
Но мне какую честью чтиться
В бессмертном истукане сем?
Без славных дел, гремящих в мире,
Ничто и царь в своем кумире.

После этой вводной строфы начинается первая часть нашего стихотворения (строфы 2–10). Лирический субъект несколько меняет здесь свою тему, говоря о таких отвлеченных предметах, как ложная и истинная слава, и выражает свою уверенность в том, что последнюю можно приобрести только добрыми поступками. Во второй части (строфы 11–24) он возвращается к теме первой строфы — вновь выражает сомнение в себе и в своих заслугах. «Мой истукан» отличается этим как нельзя более резко от стихотворения «Памятник», опубликованного Державиным в следующем, 1795 году (см. примеч. В.А. Западова: [13, с. 417]). И там речь идет о личной славе, но

² Державин прибегает здесь к прошедшему времени, поскольку, когда он писал свое «Объяснение», Павел I уже приказал удалить эти бюсты из галереи [3, т. 3, с. 520].

с противоположной точки зрения: лирический субъект «Памятника» поражает читателя своей непоколебимой уверенностью в себе, безоговорочно претендуя на вечную славу.

Не так в стихотворении «Мой истукан». Личная слава является здесь источником тяжелого морального беспокойства лирического субъекта. Поэтому его монолог представляет собой во второй части стихотворения уже не спокойное размышление, а контрастный ряд резко меняющихся точек зрения, настроений и тональностей, исполненных драматизма, для которого в русской лирике XVIII века нет precedентов. Этот монолог также отличается театральностью; не трудно представить себе лирического субъекта на сцене: перед нами жестикулирующий человек, который эффектно выражает свои чувства риторическими вопросами, экскламациями и обращениями к себе и к отсутствующим. Стилиевой диапазон этого монолога широк, охватывая грубовато разговорные и пафосно возвышенные выражения.

Вторая часть монолога начинается в 11-й строфе тем, что лирический субъект сравнивает себя с великими мужами российской истории, которых он перечислил в предыдущей 10-й строфе (среди них на первом месте Петр Великий), и приходит к смиренному выводу, что ведет «безвестну жизнь», и поэтому не может «быть... на ряду» с такими героями. Он обосновывает этот диагноз в 11-й строфе перечислением тех подвигов, которые были совершены, как он повторяет несколько раз, не им, а названными выше полубогами. В 12-й строфе его печальное настроение достигает надира глумлением над самим собой:

Увы! — Почто ж сему болвану
На свете место занимать?
Дурную, лысу обезьяну³
На смех ли детям представлять,
Чтоб видели меня потомки
Под паутиною в пыли,
Рабы ступали на обломки
Мои, лежащи на земли? —
Нет! лучше быть от всех забвенным,
Чем брошенным и ввек презренным.

Изначальная радость лирического субъекта по поводу своего бюста превратилась теперь в презрение к самому себе, которое побуждает его велеть скульптору уничтожить бюст: «Разбей же, мой второй создатель, / Разбей мой истукан,

Рашет!» (строфа 13). Однако затем происходит еще одна смена настроения: Рашет должен остановиться, поскольку лирический субъект вспомнил некоторые свои заслуги, которыми можно было бы оправдать создание бюста, но тут же сводит эту скромную гордость на нет, называя свои заслуги «безделками», прежде чем в следующей, 14-й строфе перечислить их. При этом он выступает как усердный и человеколюбивый слушатель отечеству, который «...с пленных снял железы, / Закон и правду сохранил, / Отер сиротски, вдовьи слезы, / Невинных оправдатель был...»⁴.

Вернувшись в следующей, 15-й, строфе к самокритике, лирический субъект испытывает нравственную необходимость осудить всякое честолюбие, а тем самым и самого себя. Ведь мы узнали уже в первой строфе, что он сам заказал свой бюст: «Готов кумир, желанный мною!» И в 15-й строфе мы читаем, что «все знаки чести», которые мы уделяем самим себе, являются «плодами тщеславия и лести», что относится также к монархам. Только «низкая душа» стремится к похвалам и награждениям. Строфа завершается афоризмами, которые сводятся к тому, что настоящей славы не бывает при жизни героя: «По смерти слава хороша; / Заслуги в гробе созревают, / Герои в вечности сияют».

После этой высоконравственной проповеди происходит новая смена настроения (в строфе 16). Лирический субъект теперь уже выступает не как государственный деятель, а как поэт. В этой роли он выдвигает для себя одну особенную заслугу, которая, правда, также не может, как ему кажется, оправдать создание бюста. Он дает нам здесь тем не менее понять, что его поэтическая заслуга выше его гражданских заслуг. Ведь он как поэт обладал способностью «читать достоинства», т.е. достоинства Екатерины II, которые он так успешно восхвалял в своей оде «Фелица» 1782 г. Лирический субъект при этом снова превозносит императрицу как «небесну благодать во плоти» и гордится тем, что воспел «Россов ту царицу, / Какой другой нам не найти / Ни днесь, ни впродь в пространстве мира...».

Лирический субъект восхваляет здесь не только Екатерину II, но и свою лиру, которой он воспел ее, а следовательно, и самого себя: «Хвались, моя, хвались тем, лира!» (строфа 16). Его удрученность превратилась теперь в эйфорию, которая продолжается в следующей строфе.

³ Бюст действительно изображает лысого Державина, который в других случаях предпочитал, чтобы его отображали с головным убором, как, например, на портрете Сальваторе Тончи. См.: derzhavin-site.narod.ru/ikonograf.htm («Прижизненная иконография Гаврилы Романовича Державина»).

⁴ В «Объяснениях» Державин указывает на автобиографические основания этого перечня заслуг [3, т. 3, с. 530]; см. также в «Примечаниях»: [8, с. 90–91].

Персонафицированная лира должна вознести его бюст в «храм славы», в «прекрасную колоннаду» императрицы, то есть в Камеронову галерею. Какое-то смирение дает себя заметить и здесь: речь идет уже не о каменном, т.е. мраморном, как в первой строфе, а о «скудельном» бюсте. Лирический субъект особенно гордится тем, что ода «Фелица» была «приятной» императрице, «кропя» ее глаза «тихой некогда слезой» (строфа 17).

Это ликование продолжается до 19-й строфы, где снова происходит смена настроения. Радостная речь звучит еще в начале этой строфы, но прерывается потом строгим обращением лирического субъекта к самому себе:

Прострется облак благовонный,
Коврами вокруг меня цветы...
Постой, пиит, восторга полный!
Высоко залетел уж ты...

Чрезмерная радость сменяется трезвостью: лирического субъекта беспокоят теперь сомнения в постоянстве не только собственной, но и всякой славы. Ведь он знает, что даже «Омиры» «валялись в пыли»⁵ и что «потомство грозный судия».

В начале следующей (20-й) строфы лирический субъект считает вполне возможным, что его как панегириста будут называть «льстецом»⁶. Он поэтому предвидит печальную судьбу для своего бюста. В одной наглядно воображаемой сцене, происходящей в Камероновой галерее, его бюст, может быть, «слетит» «...через решетки золотые» и «...рассмешит весь мир, / Стуча с крыльца, ступень с ступени, / И скатится в древесны тени».

Горацианская мудрость

Завиден тот лишь состояньем,
Кто среднюю стезей идет...
(«На умеренность», 1792 [3, т. 1, с. 349–352])

Рашет должен теперь снова разбить бюст, и ему снова велят остановиться. Вновь проснулась гордость. Но в этот раз это уже не скромная гордость, ведь Державин дает нам понять, что он — самый крупный русский поэт своего времени. Будет иметь право разбить его бюст только тот, «...кто с большим дарованьем / Мог добродетель прославлять, / С усерднейшим, чем я стараньем / Желать добра и исполнять...» (строфа 21).

Лирический субъект, который мечтает не только о своей славе, но также об «отечества блаженстве», поднимается теперь до патриотического предвидения будущего: «Дай больше Небо таковых [как меня], / Российской силы к совершенству, / Сынов ей верных и прямых!» (строфа 22). Далее он предвидит, что в этом прекрасном будущем будут реализованы все свыше санкционированные претензии Российской империи на внешнеполитические цели: «Определения судьбины / Тогда исполнятся во всем: / Доступим мира мы средины [т.е. покорим Константинополь], / С Гангеса злато соберем, / Гордыню умирим Китая, / Как кедр наш корень утверждая». Это предвидение продолжается в следующей, 23-й строфе, которая начинается с обращения к Рашету:

Тогда, каменосечец хитрый!
Кумиры твоего резца
Живой струей испустят искры
И в внучатах возжгут сердца.
Смотря на образ Марафона,
Зальется Фемистокл слезой;
Отдаст Арману Петр полтрона,
Чтоб править научил другой;
В их урнах фениксы взрождаются
И вслед их славы воскрылятся.

Восторженный тон сочетается здесь с туманностью содержания. Кто, например, скрывается за «Фемистоклом»? Ясно только, что это какой-то будущий, по всей вероятности, русский герой, который радуется какой-то победе над врагами отечества. «Объяснение» Державина не помогает нам в этом отношении, но зато сообщает нам, кто такой названный в этой строфе «Арман»: «Когда Петр I был в Париже и увидел бюст [кардинала] Армана Ришелье, то, обняв его, сказал, может быть во угождение французам: “Великий муж; ежели бы ты был у меня, то я отдал бы тебе половину царства чтоб ты научил бы меня править другой”». Державин тут счел уместным добавить: «Насмешники сказали: “Тогда бы он отнял у тебя и другую”» [3, т. 3, с. 531].

Мы теперь понимаем, что лирический субъект имеет в виду те бессвязные мысли, которые он выразил в процитированной 32-й строфе: здесь он так же высоко «залетел», как в 19-й строфе, где это было мотивировано «восторгом». То же самое относится к его предвидению будущих триумфов имперской политики в предыдущей строфе⁷.

⁷ Как явствует из соответствующего «Объяснения», политическое предвидение лирического субъекта соответствует высказыванию стареющей Екатерины II: «Императрица один раз высказала в своем восторге, что она не умрет прежде, покуда не выгонит из Европы Турков, т.е. не достигнет мира средины, не учредит торгога с Индией, или с Гангеса злата не соберет, и гордыню не умирим Китая» [3, т. 3, с. 530–531].

⁵ Может быть, Державин вспоминает здесь критику Гомера в ходе французского «спора древних и новых», который был хорошо известен в России XVIII века (см. [14]).

⁶ Об обвинении Державина в лести см. в его «Примечаниях» к стихотворению «Видение Муз» (1783): [6, с. 115].

На этом фоне последняя — 24-я — строфа производит своим разумным и умеренным характером впечатление иронического контраста (мы уже заметили — в связи с образом «дурной, лысой обезьяны» в 12-й строфе — склонность Державина насмешливо относиться к самому себе: в русской поэзии XVIII века и это было редкое явление). Теперь наступила новая — и последняя — смена настроения. Лирический субъект обращается к жизненной мудрости Горация⁸, а в особенности к той «средней стезе», которая нам известна из процитированного выше стихотворения Державина «На умеренность». Это стихотворение является частичным переводом оды Горация "*Rectius vives, Licini...*" (книга II, ода 10) (см. комментарий Грота: [3, т. 1, 352]), где «средняя стезя» находит свой эквивалент в пословичной формуле второй строфы: "*aurea... mediocritas*" [17] — «золотая середина».

Этому идеалу лирический субъект следует в последней строфе стихотворения «Мой истукан». После крайнего душевного беспокойства он нашел наконец «золотую середину» между крайностями восторга и удрученности. Отказавшись от честолюбивого желания получить место для своего бюста в Камероновой галерее, он сейчас обращается спокойным голосом к «любезной супруге». Он просит ее принести его бюст «для себя, родни и друга» в ее скромную — «серпаную» — комнату и поставить там «пред зеркалом» рядом с ее бюстом. Это должно быть «знаком» того, что «...слава, счастье нам прямое — / Жить с нашей совестью в покое».

Как видим, значение державинского бюста изменилось. То же самое относится к понятию «славы»: Слава теперь уже не представляет собой предмет амбициозного стремления, а приближается к понятию личного счастья и к эпикурейскому идеалу Горация — идеалу душевного спокойствия: *tranquillitas animi*.

Кажется, Державин употребляет здесь слово «восторг», несколько дистанцируясь от сказанного, как и его лирический субъект в 19-й строфе нашего стихотворения (критическая установка Державина по отношению к внешней политике Екатерины II объясняет, что стихотворение «Мой истукан» смогло выйти из печати только в 1798 г., после ее смерти; о датировке см. «Объяснение» [3, т. 3, с. 528]). Политические сомнения Державина подтверждаются замечанием в его «Записках» о слишком честолюбивых целях Екатерины II. Он там говорит о ней, что она была в последние годы своего царствования «упоена» «славою своих побед» и «уже ни о чем другом и не думала, как только о покорении скиптру своему новых царств» [3, т. 6, с. 670]. Возможно, впрочем, что это относится только к Персидской кампании, которую императрица затеяла в последний год своей жизни (1796), и которая была прекращена ее сыном и наследником Павлом I.

⁸ На тему «Державин и Гораций» см. прежде всего [15] и [16, с. 70–86].

Экскурс: Державин и его слава

В поэзии Державина тема славы играет значительную, но не всегда положительную роль. Одно из его стихотворений имеет заглавие «На тщету земной славы» (1796) и говорит об истинном бессмертии, которое возможно только в том мире [3, т. 1, с. 495–496]. В 19-й строфе стихотворения «Мой истукан» выражаются и секулярные сомнения в славе, в том числе и литературной, поскольку забвение грозит даже «Омирам».

Однако такие сомнения не мешали Державину сочинить кроме стихотворения «Мой истукан» еще такие стихотворения, как «Памятник» (1795) и «Лебедь» (1804). В стихотворении «Мой истукан» лирический субъект сомневается в своей славе, а в других двух он претендует на нее с непоколебимой уверенностью в себе. В стихотворении «Мой истукан» он обосновывает свою надежду на славу своей одой «Фелица», называя на втором месте оду «Бог». На «Фелицу» он ссылается также в «Памятнике»: «...первый я дерзнул в забавном русском слоге / О добродетелях Фелицы возгласить...» [3, т. 1, с. 534].

При всем этом нельзя не заметить, что в этих двух стихотворениях Державина речь идет о славе не первого, а второго порядка: слава поэта подчинена высшей славе императрицы; это слава панегириста, придворного поэта. Подчиненность собственной славы выражается у Державина и прямо. В конце стихотворения «Видение Мурзы» (1783) лирический субъект уверяет, обращаясь к Екатерине II: «Превознесу тебя, прослаблю, / Тобой бессмертен буду сам» [3, т. 1, с. 106–111]. И в конце дедикационного стихотворения «Приношение монархине» (1795) лирический субъект говорит: «Под именем твоим она [= моя лира] громка пребудет; / Ты с л а в о ю — твоим я э х о м буду жить» [3, т. 1, с. 491–492; выделение автора]. В обоих случаях Державин видит себя как панегириста императрицы. Это соответствует пониманию поэзии, которое было в екатерининской России не менее в ходу, чем во Франции Людовика XIV (о последнем см.: [18]).

«Памятник» Державина был, как известно, подражанием оде Горация "*Exegi monumentum...*" (книга III, ода 30). Однако у Горация мы встречаем концепцию личной славы, которая фундаментально отличается от представления Державина. Правда, и Гораций гордится тем, что он был «первым» в определенном отношении. Однако это первенство относится не к похвале властителю. Несмотря на то что Гораций иногда и выступал панегиристом, его лирический субъект гордится в данном стихотворении чисто литературным достижением, т.е. тем, что «первым» ввел в латинскую поэзию эольский стих:

“...Princeps Aeolium carmen at Italos / deduxisse modos” [17, Bd. 1, S. 176].

В этой связи стоит посмотреть и на пушкинскую разновидность этой оды (см. прежде всего: [19, S. 193–194]). Создавая ее, Пушкин опирался на державинскую версию (см. комментарий Грота: [3, т. 1, с. 535]). Однако эпиграф пушкинского стихотворения — “Exegi monumentum” — относится не к Державину, а к Горацию. И у Пушкина не говорится ни о похвале властителем, ни о второстепенности собственной славы. Ведь его лирический субъект провозглашает уже в самом начале стихотворения: «Я памятник воздвиг себе нерукотворный, / <...> / Вознесся выше он главою непокорной / Александрийского столпа» [20, т. 3, с. 340].

У Пушкина слава поэта не ниже, а выше царской славы; вместо того чтобы хвалить монарха, лирический субъект Пушкина хвалит самого себя. Это было скандальным отказом от культа царя, который должен был теперь уступить место романтическому культу поэта. Кроме того, Пушкин здесь сводит на нет традиционное представление о том, что главная задача поэта состоит в похвале властителем и героям⁹.

Но как обстоит дело со стихотворением Державина «Лебедь» (1804) (см. о нем: [24])? Как в державинском «Памятнике» и как у Горация, мы встречаем здесь мотив огромного географического пространства, наполненного славой поэта (строфа 7). Однако Державин обосновывает эту славу здесь не так, как в других его стихотворениях. В стихотворении «Лебедь» речь уже не идет о славе Екатерины II, умершей восемь лет тому назад (в 1796). И в 1804 г. Державин еще не принадлежал к обожателям Александра I, ее внука и преемника на троне; это изменилось только после русской победы над Наполеоном. Ода Державина на возвращение победоносного царя в 1814 г. завершается следующими, не новыми для нас словами: «Меня народы не забудут: / Хвалы мои ему [= Александру I] ввек будут / Моря и горы повторять» [3, т. 3, с. 163–169].

⁹ См. об этом: [21, S. 141]; [22, S. 52–60, 111–112]. Эта концепция, которая восходит к античности, встречается также у Ломоносова в его переводе седьмой строфы Горация “Ne forte credas...” (книга IV, ода 9); см. его «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» [23, т. 7, с. 467–472, здесь 471]. Мы читаем подобное и в его панегирическом слове в честь Елизаветы Петровны 1759 г. Здесь задача не только историков, но и поэтов заключается в том, чтобы «исторгать» «прехвальные дела великих Государей из мрачных челюстей едкой древности» [23, т. 8, с. 213–229, здесь 226]. Эта доктрина повторяется и у молодого Державина в его неоконченной «эпистоле» о пугачевском восстании [3, т. 3, с. 238–245, здесь ст. 109–113].

Своеобразие оды «Лебедь», возникшей за десять лет до того, состоит в том, что Державин смотрит на свою славу здесь не как на отблеск царской славы. Это видно по 6-й строфе. Превращенный в горациева лебедя, лирический субъект парит высоко над землей, гордясь уже не одой «Фелица», а одой «Бог»:

Лечу, парю, — и под собою
Моря, леса, мир вижу весь;
Как холм, он высится главою,
Чтобы услышать Богу песнь.
[3, т. 3, с. 315]

Как видим, в стихотворении «Лебедь» слава лирического субъекта освобождена от своего второстепенного статуса, получив характер самостоятельной ценности. Но в поэзии Державина это было исключением, и вопрос о его славе этим еще не исчерпан. Вспомним, что в стихотворении «Мой истукан» лирический субъект говорит не только о своих поэтических, но также о своих служебных заслугах, хотя только на втором месте, не приписывая этим «безделкам» особенной ценности. Дело обстоит иначе в 9-й строфе «Лебеда», где обожающие поэта читатели восклицают: «Вот тот летит, что, строя лиру, / Языком сердца говорил / И, проповедуя мир миру, / Себя всех счастьем веселил». Здесь, правда, говорится и о поэтических заслугах, однако на том же уровне, как о государственной службе. При этом фраза «проповедуя мир миру» несколько неожиданна. Из соответствующего «Объяснения» явствует, что речь идет здесь не о пацифизме, а об одном административном деле — о проекте третейского суда, безуспешно предлагавшегося Державиным в качестве министра юстиции (см.: [3, т. 3, с. 593]; о его деятельности как третейского судьи см.: [10, с. 475–478]).

Как мы видим, лирический субъект Державина выступает в стихотворении «Лебедь» в двух ролях — поэта и государственного деятеля. Так обстоит дело и в стихотворении «Мой истукан». Различие заключается в том, что эти роли обладают здесь одинаковой значимостью. Несмотря на все мечтания о поэтической славе, это полностью соответствует представлению поэта о себе и о своей служебной деятельности (эта двойная роль находит особенное яркое выражение в державинском стихотворении «К Меркурию», 1794). Ведь он был очень прилежным и энергичным государственным деятелем. Административная деятельность, которую он понимал как борьбу против взяточничества, за справедливость и защиту слабых (см., например: [12, с. 123]), имела для него такое же значение, как его поэтическое творчество, даже если он на службе не мог надеяться на громкую славу. Трудности возникали только тогда, когда ему не хватало времени

для поэзии (см.: [26]). Мы теперь понимаем, что его «Записки», с одной стороны, и его «Объяснения» и «Примечания» — с другой, носят взаимодополняющий характер: они относятся к двум равноценным сторонам его жизненной деятельности (см.: [27]). Как пишет В.Ф. Ходасевич в своей биографии Державина, «...поэзия и служба сделались для него как бы двумя поприщами единого гражданского подвига» [12, с. 100].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуковский Г.А. Г.Р. Державин // Державин Г.Р. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1947. С. V–LVI. (Б-ка поэта, малая серия).
2. Зорин А.Л. Глагол времен: Издания Г.Р. Державина и русские читатели // Свой подвиг свершив: О судьбе произведений Г.Р. Державина, К.Н. Батюшкова, В.А. Жуковского. М.: Книга, 1987. С. 5–154.
3. Державин Г.Р. Сочинения / С объяснительными примеч. Я.К. Грота. 2-е акад. изд. Т. 1–7. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1868–1878.
4. Eckermann J.P. Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens. Jena: Insel Verlag, 1908.
5. Segebrecht W. Gelegenheitsgedicht // Reallexikon der deutschen Literaturwissenschaft. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 1997. Bd. 1. S. 688–691.
6. Кононко Е.Н. Примечания на сочинения Державина (продолжение) // Вопросы русской литературы. Львов, 1974. Вып. 1 (23). С. 81–93.
7. Ильина Т.В. Русское искусство XVIII века. М.: Высшая школа 1999. 398 с.
8. Кононко Е. Н. Примечания на сочинения Державина // Вопросы русской литературы. Львов, 1973. Вып. 2 (22). С. 107–116.
9. Воронов М.Г., Ходасевич Г.Д. Архитектурный ансамбль Камерона в Пушкине. Л.: Лениздат, 1982. 106 с.
10. Грот Я.К. Жизнь Державина [1883]. М.: Алгоритм, 1997. 685 с.
11. Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова / Составители В.Л. Ченакал, Г.А. Андреева, Г.Е. Павлова, Н.В. Соколова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 436 с.
12. Ходасевич В.Ф. Державин [1931]. М.: Книга, 1988. 326 с.
13. Державин Г.Р. Стихотворения / Вступ. статья, подгот. текста и общ. ред. Д.Д. Благого; примеч. В.А. Западава. Л.: Сов. писатель, 1957. 549 с. (Б-ка поэта, большая серия. Изд. 2-е).
14. Rosenberg K. The Quarrel between Ancients and Moderns in Russia // Russia and the West in the Eighteenth Century / Ed.: A. Cross. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1983. P. 196–205.
15. Пинчук А.Л. Гораций в творчестве Г.Р. Державина // Учен. зап. Томского гос. ун-та. 1955. Т. 24. С. 71–86.
16. Busch W. Horaz in Russland. Studien und Materialien. München: Eidos Verlag, 1964. 270 S.
17. Horaz. Sämtliche Werke. Lateinisch und Deutsch. Übersetzt von Hans Färber. München: Heimeran Verlag, 1957. Bd. 1–2.
18. Burke P. The Fabrication of Louis XIV. New Haven; L.: Yale University Press, 1992. 242 p.
19. Keil R.-D. Zur Deutung von Puškins "Pamjatnik" // Die Welt der Slaven. 1961. Bd. 6. S. 174–220.
20. Пушкин А.С. Полн. собр. сочинений: В 10 т. Изд. 4-е. Л.: Наука. 1977–1979.
21. Burckhard J. Die Kultur der Renaissance in Italien [1860]. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 1966. 542 S.
22. Zinsel E. Die Entstehung des Geniebegriffs. Ein Beitrag zur Ideengeschichte der Antike und des Frühkapitalismus. Tübingen: Mohr, 1926. 346 S.
23. Ломоносов М.В. Полн. собр. сочинений: В 10 т. Изд. 2-е, испр. и доп. / [Под ред. Е.Е. Бабаевой, В.М. Живова, Л.И. Сазоновой]. М.; СПб.: Наука, 2011–2012.
24. Вендитти М. «Лебедь» Г. Р. Державина: горацкая традиция и образ поэта // History and Literature in Eighteenth-Century Russia / Ed. by S. Bogatyrev, S. Dixon, J. M. Hartley. L., 2013. P. 48–60.
25. Альтшуллер М. Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. Изд. 2-е, доп. М.: НЛО, 2007. 448 с.
26. Клейн И. Служба, лень и «сладостный досуг» в русской дворянской культуре XVIII века // Клейн И. При Екатерине. Труды по русской литературе XVIII века. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. С. 243–262.
27. Фоменко И.Ю. Автобиографическая проза Г.Р. Державина и проблема профессионализации русского писателя // XVIII век. Сб. 14. Л.: Наука, 1983. С. 143–164.

REFERENCES

1. Gukovskiy, G.A. G.R. Derzhavin. Derzhavin, G.R. *Stikhovoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskij pisatel Publ., 1947, pp. V–LVI. (In Russ.)
2. Zorin, A.L. *Glagol vremeni: Izdaniya G.R. Derzhavina i russkiye chitateli* [Verb of Tenses: Editions of G.R. Derzhavin and Russian Readers]. *Svoy podvig svershiv: O sudbe proizvedeniy G.R. Derzhavina, K.N. Batyushkova, V.A. Zhukovskogo* [Having Accomplished his Feat: On the Fate of the Works of G.R. Derzhavin, K.N. Batyushkov, V.A. Zhukovsky]. Moscow: Kniga Publ., 1987, pp. 5–154. (In Russ.)
3. Derzhavin, G.R. *Sochineniya. S obyasnitelnymi primech. Ya.K. Grot. 2-e akad. izd.* [Works. With Explanatory

- Notes by Ya.K. Grott. 2nd Acad. Ed.]. Vol. 1–7. St. Petersburg: Imp. Akad. nauk Publ., 1868–1878. (In Russ.)
4. Eckermann, J.P. Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens. Jena, Insel-Verlag, 1908. (In German)
 5. Segebrecht, W. Gelegenheitsgedicht. Reallexikon der deutschen Literaturwissenschaft. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1997, Bd. 1, S. 688–691. (In German)
 6. Kononko, E.N. *Primechaniia na sochineniia Derzhavina (prodolzhenie)* [Notes on the Writings of Derzhavin (Continued)]. *Voprosy russkoi literatury* [Topics in the Study of Russian Literature]. Lvov, 1974, Issue 1 (23), pp. 81–93. (In Russ.)
 7. Ilyina, T.V. *Russkoe iskussvo XVIII veka* [Russian Art of the 18th Century]. Moscow: Vysshaja shkola Publ., 1999. 398 p. (In Russ.)
 8. Kononko, E.N. *Primechaniia na sochineniia Derzhavina* [Notes on the Writings of Derzhavin]. *Voprosy russkoi literatury* [Topics in the Study of Russian Literature]. Lvov, 1973, Issue 2 (22), pp. 107–116. (In Russ.)
 9. Voronov, M.G., Khodasevich, G.D. *Arkhitekturnyi ansambl Kamerona v Pushkine* [The Architectural Ensemble of Cameron in Pushkin]. Leningrad: Lenizdat Publ., 1982. 106 p. (In Russ.)
 10. Grot, Ja.K. *Zhizn Derzhavina* [Life of Derzhavin]. Moscow: Algoritm Publ., 1997. 685 p. (In Russ.)
 11. *Letopis zhizni i tvorchestva M.V. Lomonosova* [Chronicle of the Life and Work of M.V. Lomonosov]. Compiled by V.L. Chenakal, G.A. Andreeva, G.E. Pavlova, N.V. Sokolov. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961. 436 p. (In Russ.)
 12. Khodasevich, V.F. *Derzhavin* [1931]. Moscow: Kniga Publ., 1988. 326 p. (In Russ.)
 13. Derzhavin, G.R. *Stikhotvoreniia* [Poems]. Leningrad: Sovetskii pisatel Publ., 1957. 549 p. (In Russ.)
 14. Rosenberg, K. The Quarrel between Ancients and Moderns in Russia. *Russia and the West in the Eighteenth Century*. Ed.: A. Cross. Newtonville: Mass., Oriental Research Partners, 1983, pp. 196–205.
 15. Pinchuk, A.L. *Goratsii v tvorchestve G. R. Derzhavina* [Horace in the Works of G.R. Derzhavin]. *Uchenye zapiski Tomskogo gos. un-ta* [Scientific Notes of the Tomsk State University]. 1955, No. 24, pp. 71–86. (In Russ.)
 16. Busch, W. Horaz in Russland. Studien und Materialien. München: Eidos Verlag, 1964. 270 S. (In German)
 17. Horaz. Sämtliche Werke. Lateinisch und Deutsch. Übersetzt von Hans Färber. München: Heimeran Verlag, 1957. Bd. 1–2. (In German)
 18. Burke, P. The Fabrication of Louis XIV. New Haven, London: Yale University Press, 1992. 242 p.
 19. Keil, R.-D. Zur Deutung von Puškins “Pamjatnik”. *Die Welt der Slaven*, 1961, Bd. 6, S. 174–220. (In German)
 20. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii v 10 t.* [Complete Works in 10 Vols.]. 4th edition. Leningrad: Nauka Publ., 1977–1979. (In Russ.)
 21. Burckhard, J. Die Kultur der Renaissance in Italien [1860]. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 1966. 542 S. (In German)
 22. Zissel, E. Die Entstehung des Geniebegriffs. Ein Beitrag zur Ideengeschichte der Antike und des Frühkapitalismus. Tübingen: Mohr, 1926. 346 S. (In German)
 23. Lomonosov, M.V. *Polnoe sobranie sochinenii v 10 t. Izd. 2-e, ispr. i dop.* [Complete Works: In 10 volumes. Ed. 2nd, rev. and additional]. Ed. by E.E. Babaeva, V.M. Zhivov, L.I. Sazonova. Moscow, St. Petersburg: Nauka Publ., 2011–2012. (In Russ.)
 24. Venditti, M. “Lebed” G.R. Derzhavina: goratsianskaia traditsiia i obraz poeta [“The Swan” by G.R. Derzhavin: the Horatian Tradition and the Image of the Poet]. *History and Literature in Eighteenth-Century Russia*. Ed.: S. Bogatyrev, S. Dixon, J. M. Hartley. London: Study Group on Eighteenth-Century Russia, 2013, pp. 48–60. (In Russ.)
 25. Altshuller, M. *Beseda ljubitelei russkogo slova. U istokov russkogo slavianofilstva* [Conversation of Lovers of the Russian Word. At the Origins of Russian Slavophilism]. Ed. 2nd, add. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2007. 448 p. (In Russ.)
 26. Klein, J. *Sluzhba, len i “sladostnyi dosug” v russkoi dvorianskoi kulture XVIII veka* [Service, Laziness and “Sweet Leisure” in the Russian Noble Culture of the 18th Century]. Klein, J. *Pri Ekaterine. Trudy po russkoi literature XVIII veka* [Under Catherine. Works on Russian Literature of the 18th Century]. Moscow: YaSK Publishing House, 2021, pp. 243–262. (In Russ.)
 27. Fomenko, I.Ju. *Avtobiograficheskaya proza G.R. Derzhavina i problema professionalizatsii russkogo pisatelja* [Autobiographical Prose of G.R. Derzhavin and the Problem of Professionalization of the Russian Writer]. *XVIII vek* [The 18th Century]. Vol. 14. Leningrad: Nauka Publ., 1983, pp. 143–164. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 25 июня 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 6 августа 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 февраля 2024 г.

Дата публикации: 30 апреля 2024 г.

Received by Editor on June 25, 2023

Revised on August 6, 2023

Accepted on February 15, 2024

Date of publication: April 30, 2024